

В беседе с И. А. Огневым д. э. н. **Г. А. ЯВЛИНСКИЙ** осмысливает ситуацию – он назвал ее периферийным капитализмом – в которой оказалась Россия. Как долго страна будет пребывать в этом положении? Чем это грозит? Что делать для выхода на траекторию устойчивого и цивилизованного развития? На эти и другие вопросы Г. А. Явлинский дает свои ответы.

Дайте России шанс

Интеллигент – не персонаж периферийного капитализма

– Григорий Алексеевич, опорой либеральных реформ в России всегда была интеллигенция, а «Яблоко» в народе слышит ее партией. Но либералы, придя к власти, не оправдали ожиданий интеллигенции. Перестали платить зарплату врачам, учителям и преподавателям вузов, ученым и прочим категориям бюджетников. Эти люди до сих пор не живут, а выживают. Часть уехала за границу, а для оставшихся слово «реформы» стало бранным. Как Вы оцениваете само существование интеллигенции? Ощущаете ли вы ее поддержку?

– Либералы в России у власти никогда не были. Современные либералы выступают за образование, доступное для всех. За справедливую и независимую судебную систему. За общедоступное жилье. За равенство возможностей для всех независимо от социального положения, национальной и расовой принадлежности.

А кто в 90-е годы оказался у власти в России? Худшая часть советской партноменклатуры под руководством кандидата в члены Политбюро ЦК КПСС. Именно их методы реформирования привели к гиперинфляции, гражданскому кровопролитию, войне на Северном Кавказе, появлению олигархата, а также уничтожению образования, науки, армии...

Многие из тех, кого вы называете интеллигенцией, особенно в Москве, корыстно или по глупости яростно поддерживали все это безумие. А к «Яблоку» присоединялись со-

© ЭКО 2007 г.

всем другие люди. Те, кто понимал и понимает, что ни ельцинская клептократия, ни путинская автократия не имеют ничего общего ни с демократией, ни с либерализмом.

Я думаю, что интеллигенты – это люди, которые думают не только о себе и своей семье, но и о других, даже вовсе незнакомых им людях. Интеллигентность – это не начитанность и не образованность, не умение говорить вежливо и даже на иностранных языках. Это потребность думать, переживать и действовать во имя другого человека. Вот что такое русский интеллигент! Это учителя, которые продолжают учить без зарплаты. Это врачи, которые профессионально лечат за гроши. Это офицеры, которые защищают людей и рискуют жизнями за нищенское содержание... Но сейчас, по многим причинам, их действительно осталось совсем мало. Россия меняется.

– Три года назад издана Ваша книга о российской экономике «Периферийный капитализм». Что с тех пор изменилось в обществе и Ваших взглядах?

– Напомню читателям, что такое периферийный капитализм как социально-экономическая система. Это такой уклад, который обслуживает сырьевые интересы промышленно развитых стран и критически зависит от мировой ценовой конъюнктуры. Так вот, за последние три года эта система только укрепилась. Способствовали этому как объективные факторы (росли цены на нефть и газ), так и субъективные, политические. Я имею в виду провозглашение курса России на так называемую «энергетическую сверхдержаву». А что это означает? Отказ от диверсификации экономики и модернизации страны – то есть, добывания нового знания и развития на его основе современных отраслей.

В жестких условиях глобализации это означает самый худший сценарий: необратимую утрату конкурентоспособности. Для России с ее масштабами, демографической ситуацией и геополитическим положением это может повлечь в ближайшие 10–20 лет не только дезинтеграционные тенденции, но и утрату суверенитета на значительной, прежде всего – восточной части территории. Эту опасность не

отведут даже альтернативные поставки энергоресурсов в Китай и Индию, хотя, надо признать, они помогают в торговых переговорах с европейцами по поводу покупки их национальных газотранспортных систем или повышения цены топлива.

Вообще агрессивная торгово-сырьевая политика – это инструмент XIX века. И сегодня она не может быть главной национальной стратегией. Дело в том, что «бензиновое государство» не обеспечит Россию современными образованием и наукой, структурой и качеством рабочих мест, доходов, а значит, и уровнем жизни. За счет перераспределения сверхдоходов от продажи сырья удовлетворяются лишь сверхпотребности небольшой части населения. Общество привыкает к такому положению и незнанаемо меняется далеко не в лучшую сторону. Посмотрите, кто теперь стал средним классом в России? Уже не врачи, учителя, инженеры, ученые или офицеры, как в развитых странах, а работники сфер обслуживания и финансов, игорных заведений. Это неизбежно влечет глубинные сдвиги в культуре нации, и они вызывают серьезное беспокойство.

– Вы, Григорий Алексеевич, в число актуальнейших проблем неоднократно ставили должную легитимность собственности. Сейчас, вроде бы, внесены поправки в закон о банкротстве, который, с полным на то основанием, называли самым взяточемким и который «помог» за несколько лет лишиться собственности тысячи предпринимателей. Внесен в парламент законопроект против рейдерства. Однако способны ли подобные формальные меры действительно защитить собственников от новых молодых «волков» в бизнесе, если дополнительных ниш на рынке для приложения их энергии почти не появляется?

– Проблема легитимной собственности в России – ключевая. Ее корни нужно искать в ошибках и преступлениях реформаторов 90-х годов. Уничтожение всех накоплений граждан, ваучерная афера и, наконец, криминальная приватизация – все это создало атмосферу недоверия к самому праву собственности со стороны и граждан, и государства, и даже самих предпринимателей. Потому вовсе неудивитель-

ны и искусственные банкротства, и рейдерство. «Голодные молодые волки» считают, что если так может поступать государство, то почему бы им не следовать этому примеру? Так формировалась общественная атмосфера и «предпринимательская» мораль. И теперь эта система не меняется, потому что она позволяет каждого и в любой момент объявить преступником. И по сделкам середины 90-х годов, и по вчерашней сделке. А это дает власти в отношении бизнеса мощный инструмент шантажа, запугивания и подчинения. Так удобно управлять: не на основе закона, а с помощью закона.

Подобная схема существует по всей так называемой «вертикали», вплоть до каждого села. Меняется только уровень начальства и масштаб бизнеса, да Генпрокуратуру подменяют райотделы милиции. Новых же ниш на рынке сырьевая экономика по определению не предполагает. Поэтому неизбежен непрерывный передел собственности, что мы и наблюдаем.

– Какие шаги может и должно предпринять государство, а также сам бизнес, чтобы предпринимателям по ночам не снились кошмары насчет национализации, а обычные граждане перестали считать бизнесменов ворюгами?

– Прежде всего, эти меры должны вызывать доверие и у людей, и у государства, и у бизнеса. Я полагал бы необходимым ввести одноразовый компенсационный налог и узаконить все сделки, кроме тех, где были тяжелые уголовные деяния. Одновременно с этим нужно обеспечить независимость и справедливость суда, защитить власть от давления олигархов, создав общественное телевидение и специальные антикоррупционные процедуры.

Чрезвычайно важно принять также реально действующие антимонопольные законы и нормативные решения, которые ограничивали бы концентрацию капитала физическими лицами. Все это необходимо для того, чтобы подавляющее большинство граждан стало собственниками, чтобы появился народный капитализм. Но лишний раз подчеркну: сегодня такая политика не отвечает интересам правящей группы и обслуживающей ее бюрократии.

– Через какое-то время цикл повторялся. В России идет бесконечный передел активов: приватизация (не всегда легитимная) – национализация лакомых кусков частной собственности новой командой во власти – а потом, под флагом борьбы с неэффективной госсобственностью – новая приватизация, а по сути – раздача «слонов». Чем вызвана такая ситуация и долго ли она может существовать?

– В стране еще не сложились ни политическая, ни экономическая системы. Тот «цикл», о котором вы говорите, и называется периферийным капитализмом. Его характерная особенность – отсутствие общепризнанных прав собственности и ее непрерывный передел с помощью административных методов и правоохранительных органов. Такая практика уничтожает у предпринимателей всякую уверенность в завтрашнем дне, создает гигантскую теневую экономику. Особенность такой экономики не только в том, что она не платит налоги. Она, что несколько не лучше, еще и сегментирует рынок, убивает конкуренцию и работает «в короткую» – стремится быстро получить самые легкие деньги. Что в принципе не позволяет создавать современную экономику, промышленность.

За свободу и справедливость

– «Яблоко» – партия либеральная, однако она с самого начала выступала и выступает против монетизации льгот и других вроде бы либеральных реформ. Как это согласуется с развитием рыночных отношений и рыночной экономики?

– «Яблоко» – не просто либеральная, а социально-либеральная партия, что не одно и то же. Различие в том, что наша политическая сила выступает за справедливость и свободу. Только так, за обе цели вместе. Мы считаем, что без справедливости нет свободы, но и без свободы не будет справедливости. Поэтому мы всегда выступаем против того, что наносит людям ущерб либо просто обижает их. Я принципиально считаю, что любые реформы должны улучшать жизнь людей, а не заставлять их терпеть лишения. И это не популизм. За нашими стремлениями стоит серьезный эко-

номический и политический расчет. Тем более – сейчас, когда у страны практически неограниченные поступления валюты. Россия, в связи с высокими ценами на нефть, уже пять лет получает сверх бюджета ежегодно как бы премию в 50 млрд дол. Этого вполне достаточно, чтобы защитить людей от всяких негативных последствий, связанных с реформами. Кстати, пресловутая монетизация льгот не является рыночной или антирыночной мерой. Можно делать и так и этак. Гораздо важнее – настроение людей, их доверие к власти и реформам.

– Нынешняя минимальная зарплата при текущих доходах государства и бизнеса – сущая нелепица, жуткий анахронизм. Почему нельзя перенять мировой опыт и ввести достойную наших людей месячную либо, как в США, часовую минималку?

– Вообще-то, вопрос не к нам, а к президенту страны, правительству. Но коли вы меня спрашиваете, то отвечу так. Почему нельзя? Можно! С экономической точки зрения, это полезно и даже необходимо для более эффективно использования трудовых ресурсов. Но корпоративное олигархическое государство не будет принимать таких решений. Это не входит в его интересы, потому что повышает цену рабочей силы, а, значит, снижает доходы властных группировок. Чтобы принять такие решения, нужны сильные профсоюзы. А их нет! Нужны и партии, которые отстаивают общественные интересы. Но в нашей авторитарной политической системе всякая независимость и самостоятельность подавляются либо сводятся на нет. Реальные политические группы существуют с большим трудом, едва выживают. Граждан забавляют непрерывным «аншлагом» и почти бесплатной водкой. Общество дезинтегрируется и не способно отстаивать свои права. А в таких условиях никто не принесет на блюдечке ни достойную минимальную зарплату, ни пенсию.

– Сейчас в России, с одной стороны, море бедности, а с другой – персонажи из списка журнала «Форбс». Не станем ли мы свидетелями обострения классовой борьбы?

– Не знаю, как насчет классовой борьбы, но сегодняшнее общество больное. Его ждет очень тяжелая жизнь. Сохраняются колоссальная преступность, наркомания, политическая нестабильность. При огромных социальных разрывах и притом, что 80% населения не имеет реальной надежды существенно улучшить жизнь, ситуация в России не сулит ничего хорошего.

– **Билл Гейтс не только отдал личные 28 млрд дол. на благотворительность, так он еще и призывает брать с него больше налогов. Этот пионер всем нашим ребятам-олигархам пример! Однако в России увеличивается разрыв доходов самых богатых и бедных. «Яблоко» призывает искать эффективные механизмы перераспределения доходов между этими группами населения. Один из них – прогрессивный налог. Плоская шкала этому не способствует, однако «Яблоко» ее отстаивает. Почему? И вообще, каким, на Ваш взгляд, может быть механизм перераспределения доходов?**

– «Яблоко» исходит из того, что налоги должны быть такими, которые абсолютное большинство участников экономической деятельности ПЛАТИТ. Поэтому мы предложили низкий подоходный налог и плоскую шкалу. Добавлю, что исчисление налога должно быть максимально простым. Мы хотим, чтобы у людей был стимул работать. Кроме того, налог в 45% никто в наших условиях платить не станет. Это приведет к разрастанию теневой экономики. К тому же я просто не уверен, что нынешнее правительство честно распорядится дополнительными доходами от прогрессивной шкалы, если их уплатят (что вовсе не очевидно).

Механизм же перераспределения доходов должен быть прозрачным, подотчетным и умеренным, чтобы не лишать людей интереса к производственной деятельности. А благосостояние создается не столько перераспределением, сколько равными и справедливыми условиями. Нужны новая современная политика доходов и рабочих мест, беспрепятственный вход на рынок среднего, мелкого и мельчайшего бизнеса, а не перераспределение.

– Способна ли та модель ипотеки, которая положена в основу национального проекта, резко увеличить предложение доступного жилья? Или же эта модель лишь стимулирует рост цен, а в результате жилье становится все более недоступным, особенно для низкооплачиваемой интеллигенции, зависящей от бюджета?

– Согласен с вами. Политика в области жилья, включая и ипотеку, привела к безудержному росту цен и спекуляции. Жилье окончательно стало недоступным. Но это не частный вопрос. Он отражает отсутствие правительства общественных интересов, независимого суда, самостоятельного законодателя – Думы, а также независимой прессы и контроля за властью. Без всего этого будет расцветать лишь коррупция и доходы узкой властной группы.

– А как можно нейтрализовать ростовщические аппетиты банкиров?

– Все теми же методами: конкуренцией, антимонопольными актами, прозрачными и понятными законами, защищающими общественные интересы. Вообще говоря, банки должны инвестировать в производство, в эффективные экономические проекты. Они должны быть инноваторами, а не банальными ростовщиками. У нас таких банков почти нет.

– Благосостояние для всех, социальное государство – цели, несомненно, благородные. Однако сможет ли троллейбус, пользуясь поэтическим образом Окуджавы, вместить всех, «потерпевших в ночи крушенье»?

– Россия – страна бедная, но практически с неограниченными возможностями. Нужно пытаться серьезно и целеустремленно их реализовать. Профессионально, честно и бескорыстно. В этом – залог продвижения к социальному государству. А что из этого получится – будет ясно после того, когда начнем двигаться, делать правильные шаги.

Самоуправление без управления

– Когда началось введение закона о местном самоуправлении, в регионах стали высказывать претензии относительно передачи на места полномочий, не обеспеченных

источниками их финансирования. Совпадают ли основные положения закона с принципами, которые отстаивает «Яблоко»?

– Местное самоуправление – серьезнейшая проблема, затрагивающая всю Россию без исключения. И сам Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», и практика его применения везде лишают это самоуправление малейших возможностей не только проявить инициативу и творчество, но даже исполнять свои прямые обязанности и законные полномочия.

– А с чем это связано?

– С тем, что людям, работающим на важнейшем для государства уровне, не предоставили никаких возможностей действовать как серьезным и самостоятельно мыслящим, выбирать варианты решения насущных проблем в финансовых границах и полномочиях, прописанных законом. Людей связали по рукам и ногам мелочной и бесконечной регламентацией, которая буквально парализует местную власть. Даже там, где закон, казалось бы, декларирует направления деятельности, которые могли бы стать полезными для города или поселка, – этот шанс невозможно реализовать из-за того, что нет соответствующих подзаконных инструкций. На местах нарастает сумятица, главы администраций отказываются выполнять возложенные на них законом функции и возвращают их на уровень районного начальства. Ситуация многократно усложняется невероятным разнообразием сел, поселков, сельских муниципальных округов и поселений. А тут еще свою долю неразберихи вносят города и городские поселения, которые округами не являются и прав на самостоятельный бюджет не имеют.

– Почему, на Ваш взгляд, закон не учел эти нюансы?

– Потому что в него заложена унитарная модель, основанная на вертикали власти. А с вершины этой вертикали, из Москвы, по определению, невозможно уловить культурные, исторические, социальные и экономические различия российских земель. Это приводит к нарастающим столкно-

вениям на разных уровнях власти, к бесконечному переделу границ между городскими округами и регионами, между городскими поселениями и городскими районами. Особенно болезненно то, что закон и практика его применения игнорирует многолетние традиции. Например, такой известный и славный город, как Гатчина, с точки зрения закона и административно-экономических механизмов своего существования, теперь ничем не отличается от любой деревни. Закон также не видит различий между городскими округами с населением в 1,5 млн и в 30 тыс. человек.

Такая несурзаца снизила бюджетную обеспеченность малых городов в разы. Вот, например, Кольцово под Новосибирском – маленький наукоград, в нем 14 тыс. жителей, получил статус городского округа. А рядом, в 10 километрах, фактически такой же наукоград, который, в отличие от Кольцова, является районным поселением. Перепад между ними по бюджетной обеспеченности – более чем в 7 раз. Понятно, что у них совершенно разные возможности исполнять обязанности, а тем более – самостоятельно принимать программы развития. Подобную сумятицу закон породил в финансах не только городов. Центр сельского муниципального образования, например, имел на освещение 600 тыс. руб. (тоже, кстати, невеликие деньги), а через год и того меньше – 180 тыс. руб. Значит, люди будут бродить впотьмах по грязи и снегу.

В итоге, при скудном финансировании, дефицит всех муниципальных бюджетов в 2005 г. составил 9,5 млрд руб., кредиторская задолженность – около 36 млрд. Это – без 5 млрд руб. за коммунальные услуги. Все же расходы по переданным на муниципальный уровень обязательствам превысили их доходную базу в два раза. Только 2% муниципалитетов самодостаточны с точки зрения бюджетной обеспеченности. Результаты прошлого года не лучше.

– Какие негативные последствия вызовет жизнь по этому закону?

– Расширится и без того гигантская зона теневой экономики. А поскольку передача полномочий и перечисление бюджетных денег не совпадают во времени, и деньги пере-

водят поздно, то муниципалитеты не успеют их израсходовать. Деньги списывают.

Таковыми явлениями негатив не ограничивается, поскольку закон по своей унитарной природе репрессивен. Вот, например, Рыбинск с помощью референдума добился от губернии права называться городом. Теперь он за строптивость лишен возможности самостоятельно финансироваться и переведен на смету. Другая ситуация: старинный город Углич, крупный среди малых, не получил права городского округа, остался поселением. В результате район сохранил контроль над его землями, недвижимостью и продает эти активы в соответствии с законом. К моменту передачи полномочий у Углича не останется ничего из ликвидной недвижимости, а закон обязывает ее продавать. В свою очередь, это приведет к целому ряду других болезненных последствий.

Растет сопротивление местному самоуправлению бюрократов традиционных районных элит, оно уже превращается в политическое, что в унитарной модели и неудивительно. Эта бюрократия сделает все, чтобы сохранить за собой тотальный контроль. И закон это позволяет, потому что огромное число полномочий оставлено регионам. В ряде из них сделали просто: полностью сохранили старую систему административных районов, а местное самоуправление имитирует множество людей с портфелями и ничтожным заработком. Например, в ряде сельских муниципальных районов Волгоградской области собственная доходная база составляет 9 млн руб., а зарплата чиновников – 12 млн. И не потому, что она велика. Просто в таких условиях всё превращается в профанацию. Президент утверждает, что местное самоуправление – один из ключевых опорных столпов страны, однако мы прогнозируем резкое осложнение ситуации в 2007 г.

– И что же делать?

– Основные направления понятны. Нужно отказаться от остаточного принципа финансирования местного самоуправления, создать для него надёжную доходную базу. Конечно же, не оставлять один на один с ЖКХ, особенно – в нынешнем состоянии, сохранить значительную долю ответст-

венности за государством. Другого способа нет, в этой сфере началась реальная разруха. Например, во многих поселениях вдруг обнаружили серьезный дефицит питьевой воды. Однако даже на нормативном уровне задача исключительно тяжелая. Нужно править не только сам закон, но и скоординировать его со множеством других. Ему противоречит Земельный кодекс, а Градостроительный парализует исполнение, в том числе, и нацпроекта «Доступное жилье». Согласно Водному кодексу муниципалитеты не могут платить за воду. Лесной кодекс делает недоступными для муниципалов местные материалы, и они не могут строить малоэтажные дома. Бюджетный кодекс не только посадил муниципалитеты на голодный паек – он затрагивает интересы почти всех граждан, а, значит, прямо влияет на их настроение. Даже функции МЧС отчасти переданы на места.

А настроения очень различаются. В подмосковных городах с населением 15–50 тыс. люди, как правило, активны, лично взаимодействуют с властями, над которыми, в известной степени, есть неписанный общественный контроль. Но в областных центрах население задавлено региональной властью и не различает кто есть кто. Губернаторы умело канализируют это недовольство против городской власти, и вертикаль покушается ликвидировать выборность мэров. На уровне крупных и крупнейших городов контакта властей с людьми не наблюдается.

– Как Вы относитесь к вертикали власти и административной реформе?

– Вертикаль власти – это, прежде всего, предпосылка коррупции. Власть при таком устройстве слаба, плохо информирована и безответственна. Но главная проблема – ее бесконтрольность. Что касается административной реформы, то ее давным-давно нет.

– За время президентства В. В. Путина количество чиновников выросло в 1,5 раза. В чем причина?

– Это – главная особенность авторитарно-бюрократического государства. Бюрократы у нас – правящий класс, самовоспроизводящийся, считающий себя государством и пол-

ностью слившийся с бизнесом. Кто не бюрократ – как ему жить? Вот они и плодятся. Кроме того, это прямой результат вертикали власти: на каждую проблему – по бюрократу, а к нему еще и по контролеру, за которым тоже надо надзирать. И так далее...

– Наблюдая за нашим правительством, невольно думаешь, что оно работает по классической формуле «когда в товарищах согласия нет». Чем, по Вашему мнению, это вызвано?

– А видел ли кто-нибудь согласованную программу действий правительства? Существуют ли какие-то цели, обязательства, общественно значимые задачи, объединяющие министров и устанавливающие их ответственность? Здесь надо искать истоки многих бракованных решений. Примеров масса, назову только два. Хотели навести порядок на рынке алкоголя, а устроили чехарду, которая продолжается много месяцев и разоряет бизнес. Другой вопиющий факт – приняли закон о газе, согласно которому никто, кроме «Газпрома», не может экспортировать природный газ. Забыли самую малость: не расшифровали, что входит в эту продукцию. И независимые частные нефтяные и газодобывающие компании долгое время не могли продавать за границу пропан-бутан и другую газообразную продукцию. Кто-нибудь из правительственных чиновников ответил за это безобразие? Конечно – нет!

А что мы знаем о деятельности правительства, кроме статистических показателей, объявляемых самим правительством? Как подбираются туда кадры, по каким критериям, кроме знакомства с президентом и личной преданности? За что увольняют из правительства? Отсутствие ответов на эти, а также многие другие вопросы свидетельствует о непрозрачности и корпоративности правительства. В этом все дело.

– Как должно измениться государство, чтобы стала возможной серьезная модернизация экономики и социальных отношений?

– В первую очередь, нужно внести ясность в конечные цели. При этом исходить из фактических реалий в стране и

мире, а не из воображаемых возможностей российской власти. Итак, что мы имеем? Ситуацию, когда напрочь отсутствует стройная и непротиворечивая система представлений о будущем страны. Вместо того чтобы продумать ее вместе с обществом, власть отделяется абстрактными лозунгами «величия и процветания», аморфной и беззубой идеологией «центризма». Дальше это терпеть нельзя. Следует определить, какие ценности культивировать в нашей стране с ее противоречивым прошлым и не менее противоречивым настоящим. Знать, какое место Россия будет занимать в мире, который через десять, пятнадцать, двадцать пять лет неизбежно станет внутренне разделенным.

Исходя из последнего посыла, реальность такова. Нравится нам это или нет, мир продолжает оставаться крайне неоднородным. Есть группа стран, концентрирующих большую часть самых ценных экономических ресурсов. В первую очередь – интеллектуальных и технологических, а также финансовых и силовых. С другой стороны, существует, и никуда она не денется, огромная мировая периферия. Она лишена доступа к основной части благ, которые являются результатом использования перечисленных ресурсов.

Поскольку Россия находится в «серой зоне», она имеет объективные посылки двигаться в двух направлениях. Либо попасть в ядро мирового капиталистического хозяйства – этот путь условно можно назвать европейским выбором. Либо искать свое место на его периферии. Можно приводить аргументы в пользу первого и второго варианта, но очевидным будет одно: никакого третьего пути – «евроазиатского» или какого угодно другого – нам не дано. Страх поступиться частью собственного суверенитета, что используется как аргумент против европейского или евроатлантического пути для России – понятен и даже отчасти обоснован. Однако есть единственная альтернатива – место на периферии мировых процессов. Эта альтернатива тоже не сахар – она неизбежно связана с ограничением государственного суверенитета. Дело в том, что и суверенитет, и независимость имеют смысл только в той степени, в какой существуют практические возможности их реализации. Ведь

суверенитет слабого и зависимого – это как свобода без денег: вроде бы есть, а воспользоваться невозможно.

Так вот. Сегодня задачи свою и партии «Яблоко» я вижу в том, чтобы, с учетом хода мировых процессов, не дожидаясь грядущих кризисов, сформулировать и предложить своего рода «дорожную карту» будущих российских реформ.

Власть и собственность

– В чем суть предлагаемых трансформаций?

– Прежде чем излагать суть реформ, хочу пояснить, на что мы ориентировались. Посмотрите, что объединяет все процветающие страны? Это, бесспорно, набор базовых ценностей, где на первом месте стоят права человека, собственности, индивидуальная свобода и социальная справедливость. Можно спорить о том, что первично: экономическое процветание этой группы стран явилось следствием приверженности названным ценностям или наоборот? Лично мне представляется, что истина, как водится, где-то посередине. Главное же в другом. Было бы глупо пытаться немедленно перекроить общественные отношения в соответствии с общечеловеческими ценностями. Для этого требуется время, и немалое. Но если эти ценности не будут сформулированы как стратегические цели общества, если люди не почувствуют, что власть делает хоть какие-то реальные шаги в этом направлении – все! Любые модернизации неизбежно приведут нацию в разряд бедных и бесправных.

И еще одно замечание. Мы должны отдавать себе отчет, что подлинные реформы, которые пока не начинались, будут стартовать не с чистого листа. И прежде чем начинать другие по сути реформы, необходимо извлечь уроки из прошлого, подвести черту под этим периодом со всеми его последствиями. Ну вот, а теперь можно рассказать о «карте».

– С чего начнем?

– С власти. На всех ее уровнях, со всеми колоссальными потрясениями. Вспомним хотя бы 1991-й и 1993 годы, постоянные сбои политической преемственности. Ведь что происходило в последнее время? Обществу постоянно на-

вызывали разработанные в кулуарах схемы организации государства. Власть гнала, отказывалась от только что принятых на себя обязательств и перекраивала еще свежие схемы собственного устройства. Конечно, все это прямо сказалось на том, как люди воспринимают легитимность власти. Пусть даже общество прямо с ней не конфликтует – такие вещи легко пресекать и контролировать. Однако население со скепсисом и, я бы сказал, с циничным равнодушием относится к деятельности государственных институтов и готово саботировать любые их решения.

Для настоящих и глубоких реформ такой фон – мощное, а, может, и непреодолимое препятствие. Безусловно, авторитет государственных институтов должен быть значительно выше. Тогда и реформы получают шанс на успех. Другими словами, власть, как в воздухе, нуждается в дополнительной легитимности. Этого можно добиться, допустив к штурвалу государственных институтов представителей альтернативных политических и социальных групп. Они, со своей стороны, могли бы в обмен гарантировать уважение основ конституционного строя, а также незыблемость принципов системы властных институтов в стране. Кроме того, необходимо принять компромиссный пакет законов, ограничивающий политическое влияние крупных собственников, провести деолигархизацию власти. Это требует появления прозрачных механизмов принятия значимых решений, формулирования четких, не поддающихся двойному толкованию оснований для их отмены в пользу групп и личностей. Эти нормы должны пресечь обход установленных законом процедур и облегчить привлечение к ответственности инициаторов таких авантюр.

– Что в «дорожной карте» идет вторым блоком?

– Собственность. Особенно – крупная. Этот вопрос назрел давным-давно. Он вызывает острейшие противоречия в обществе: что делать с «социалистическими» в недавнем прошлом активами, которые, по итогам странной приватизации оказались в частных руках? Всем понятно, что степень легитимности этой собственности низка для того, чтобы ее нынешние владельцы участвовали в модернизации

экономики в полную силу. С другой стороны, очевидно, что никакого простого решения не существует. Однозначная защита такой собственности, а также отношений, возникших в результате ее появления, противоречит принципам социальной справедливости и не будет поддержана всеми слоями населения. Если же эта справедливость, пусть даже отчасти, не восторжествует, то общество не придет к консенсусу и лишится, тем самым, важнейшего залога успешности реформ.

Я убежден, что нужно принимать пакет специальных законов. Его первая часть, как я уже говорил, должна признать сделки по приватизации легитимными, если они обошлись без убийств и других тяжких преступлений против личности. Также следует ввести единовременный налог на чрезвычайную прибыль, который бы компенсировал обществу пусть не все, но хотя бы какие-то потери. Вторая часть этого пакета, по нашему мнению, должна включать такие работоспособные законы, как антимонопольный, о защите конкуренции, об ограничении концентрации капитала. В третий пакет должны бы войти законы о прозрачности финансирования политических партий и лоббировании в Госдуме и других ветвях власти, об общественном телевидении и целый ряд антикоррупционных нормативных актов. Они, в том числе, могли бы ограничить и пробивные способности бизнесменов, чиновников и членов правительства, которые воспользовались коррупционной приватизацией в 90-х.

Как и в случае с властью, проблема крупных активов должна быть урегулирована на основе компромисса. С одной стороны, пакет законов гарантировал бы незыблемость прав собственников и соблюдение буквы закона. А с другой стороны, появились бы, наконец, надежные правила распоряжения активами, которые получены по итогам бюрократической приватизации, что, в общем-то, послужило бы интересам общества. Конкретные схемы и варианты таких правил могут быть разными. Например, оборот активов, участие в их составе номинальных собственников, управляющих структур нерезидентов и т. д. Важно также, чтобы эти правила минимально искажали мотивацию собственников

в эффективном использовании активов и одновременно сохраняли контроль за ними во благо общества.

По таким принципам следует подходить к собственности, приобретенной не только в ходе приватизации 90-х, но и к существенным нарушениям налогового законодательства. Право собственности на деньги и активы, приобретенные более-менее цивилизованными методами, но без уплаты налогов, можно гарантировать в обмен на их ограниченное использование: хотя бы временный, но обязательный перевод денег в российские банки, уплата задним числом подоходного налога с официальной амнистией по нарушениям и т. д.

В России все-таки нужен закон о порядке деприватизации. Иначе не будет механизмов отчуждения собственности от тех владельцев, которые использовали для ее получения особо тяжкие преступления: убийства, захват заложников и т. д.

– Наш олигархический капитализм ругают часто и справедливо не только из-за темного происхождения крупных активов. Однако за олигархами стоят сегодня крупнейшие центры консолидации национального капитала. Какой может быть их роль в модернизации экономики?

– Как только речь заходит о нашем крупном капитале, внимание обычно концентрируют либо на личных состояниях, либо на негативных особенностях организации бизнеса. А ведь сам факт его возникновения, причем, не в форме «дочек» транснациональных корпораций, а на собственной, во многом, независимой основе, – этот уникальный факт воспринимается как само собой разумеющийся. Однако на самом деле всё не так просто. Не надо только исходить из наивных представлений начала 90-х, когда многим энтузиастам рыночных реформ казалось, будто достаточно всё поголовно разрешить, принять несколько законов – и «оковы тяжкие падут». А, мол, затем, на развалинах советской экономики в течение нескольких месяцев возникнет мощное и эффективное капиталистическое хозяйство. Так не бывает.

Я бы сказал, что формирование у нас всего за несколько лет крупного национального капитала – это достаточно неожиданное или, во всяком случае, редкое в мировой прак-

тике явление. И его надо оценить по достоинству. Ведь время, прошедшее после крушения планового хозяйства советского типа, показало, в числе прочих, одну важную вещь. А именно: человеческие, а точнее – управленческие ресурсы России таковы, что позволяют в исторически кратчайшие сроки на базе национального потенциала и предприятий создавать не только достаточно крупные, но и современные по многим параметрам рыночные компании и корпорации. При всех системных дефектах постсоветской экономики и политики, в чем, прежде всего, повинно государство, эти крупные корпорации не только выжили в неблагоприятной деловой среде, но и продемонстрировали существенные успехи. Они самостоятельно вышли на крупные, в том числе – на принципиально новые для себя рынки, освоили их, активно развернули зарубежную экономическую деятельность. Другими словами, при всей справедливости претензий к олигархам, в России во многом уже сформировался национальный капитал.

Да, по сравнению с корпорациями развитых стран наш национальный капитал слабый, пусть даже уродливый. Но это – наш доморощенный капитал, не будь его, Россия вообще лишилась бы и так невеликих шансов изменить свое нынешнее место на мировой экономической карте в лучшую сторону. И это нужно понимать. Нравится нам или нет, но сегодняшнее мировое хозяйство по своей сущности является капиталистическим. Главные его субъекты – транснациональный капитал. Остальной же большей части выпало мало шансов сравняться с лидерами по уровню производительности экономик и доходов. Поэтому для страны, желающей стать частью этого мирового центра, попасть в элитный клуб и при этом не потерять государственный суверенитет, единственный ключ к решению столь амбициозной задачи есть наличие крупного национального бизнеса.

Важно при этом помнить три принципиальных момента. Во-первых, всегда и везде бизнес – это предпринимательская деятельность. И в принципе неверно требовать от него решения задач, которые на самом деле относятся к компетенции государства. Нигде в мире, даже в самых развитых

странах на бизнес не возлагают, например, функции социального и пенсионного обеспечения, защиту окружающей среды, а также интересов малоимущего населения и т. д. Социальная ответственность бизнеса в том, чтобы он соблюдал разумные и исполняемые законы, исправно платил налоги, а также избегал действий, идущих вразрез с интересами страны и общества. И только! Любые другие ожидания от бизнеса и претензии в его адрес – свидетельство как минимум некорректного подхода.

Во-вторых, лицо бизнеса, образ его действий не в последнюю очередь определяется средой. К власти можно предъявить столько же, если не больше, претензий. Глупо требовать от бизнеса поведения более ответственного, нежели то, которое демонстрирует государство. В конце концов, именно оно в лице правительства, администрации президента и чиновников проводило мошеннические аукционы, не платило зарплату служащим, прощало самому себе долги, устраняло оппонентов силовыми методами. Само государство сплошь и рядом нарушало дух и букву законов. Так стоит ли в такой ситуации ожидать, что бизнес будет святее папы римского? Законопослушный бизнес в государстве, которое само действует по понятиям криминального мира – это абсурд, ненаучная фантастика!

Наконец, в-третьих. Любое явление, в том числе – бизнес, развивается по этапам. Более продвинутые западные корпорации – это, скорее, продукт длительной эволюции, нежели благонамеренного замысла. И без доли терпения обществу здесь не обойтись. Так что и к нашему бизнесу вполне подходит известная формула: работать надо с тем материалом, который есть. Другого все равно нет и не будет.

– Стратегия экономического развития подразумевает выбор приоритетных направлений. А это, как правило, связано с огромным риском. Как избежать ошибок?

– Готового рецепта нет. Этот вопрос требует тщательного анализа и обсуждений. Правда, вариантов не очень много. Прежде всего, нужно использовать исторические заделы, которые есть у России. Я имею в виду опыт ее развития

до 1917 г. и советский период. В советское время была попытка искусственно изменить распределение хозяйственных ресурсов с амбициозной целью – вывести СССР в мировые лидеры и по масштабам экономики, и по технологическому уровню. Кстати, сама идея целенаправленного государственного вмешательства в распределение ресурсов и в способы их использования не является чем-то уникальным. В той или иной степени ее использовали все страны, прошедшие через активную модернизацию, инициированную политической элитой. Так вот, хотя ограничения, присущие советской системе, вместе с объективными причинами, не связанными с характером хозяйственной модели, в итоге не позволили выполнить поставленную задачу, однако кое-какие основы для «догоняющего развития» все же были заложены.

Главные из этих основ – наличие в структуре российского хозяйства отдельных производств и даже отраслей, которые не укладываются в модель классической «периферийной экономики». Речь идет о создании в советский период основы для высокотехнологичных обрабатывающих производств, их научного обслуживания и системы подготовки кадров. Хотя, в конечном итоге, эти факторы не обеспечили результат, на который рассчитывали экономисты и управленцы, они все еще имеют значение для предстоящей модернизации экономики России. Так вот, исходя из этого и еще целого ряда других моментов, предстоит выработать решение. Очень важно, чтобы делалось это открыто, гласно. Чтобы в обществе шла профессиональная дискуссия. Только такой подход позволит избежать ошибок.

– Какую роль, по Вашему мнению, может играть стабилизационный фонд?

– Мы скептически оцениваем идею фонда будущих поколений и предлагаем вместо этого возвращать долги государства старикам. Забота о будущих поколениях должна выражаться не в том, чтобы изымать деньги из экономики, а в том, чтобы скорее перейти к профессиональной армии, повысить качество бесплатного образования и медицины, обеспечить дешевым жильем молодые семьи.

Мы считаем несерьезными ссылки наших министров на норвежский опыт, где правительство, после выплаты внешних долгов, размещает нефтяные сверхдоходы в ценные бумаги других стран. Это нам не подходит по той простой причине, что положение норвежских и русских пенсионеров несравнимо. Долг пожилым людям, которые строили и защищали нашу страну, по большому счету неоплатен. Но отдавать его нужно. В том числе – и в денежной форме. Пополнить фонд старших поколений можно и за счет части стабфонда, доходов от продажи сырья, а также дивидендов государства от акций крупных монополий: «Газпрома», «Роснефти», «Транснефти» и др.

Конечно, увеличение пенсий может несколько подтолкнуть инфляцию. Но ее уровень будет зависеть от того, насколько профессионально это будет сделано.

Модернизация

– В Ваших книгах просматриваются три взаимосвязанные модернизации: материально-технической базы российского капитализма, политической и институциональной сфер. Две первые мы обсуждали. Не могли бы Вы остановиться на последней составляющей этой триады?

– Мы давно продумывали, какой должна быть здесь логика шагов. И пришли к выводу, что важнейшие институты общества нужно создавать параллельно с реформами, о которых мы говорили выше. Не раньше, но и не позже.

– Почему?

– Потому что отстраивать прогрессивные институты в бедной и застойной стране, а потом сетовать на то, что они, дескать, оказались неэффективными – это нонсенс. Бессмысленно уповать и на то, что, мол, экономические реформы подтолкнут рост хозяйства, и на каком-то этапе автоматически появятся кристально чистый госаппарат, независимая судебная система, достойная России армия и другие общественные институты. Одно без другого: реформы без институтов, как и институты без реформ – так не бывает.

– За что следует браться в первую очередь?

– Конечно, создавать современную систему государственной службы. Вся деятельность государственных органов должна быть тщательно регламентирована, стать доступной и прозрачной для гражданского и парламентского контроля.

Далее, не по значимости, а по порядку нужно серьезно реформировать судебную систему. Пока что она существует как продукт иных, канувших в Лету, общественных отношений. Поэтому здесь, как и в случае с собственностью, надо соблюсти обязательное условие: подвести черту под прошлым, провести своего рода амнистию по былым грехам. Но амнистия судей непременно должна сопровождаться, во-первых, пересмотром неправомочных приговоров. Ведь их многочисленные жертвы до сих пор сидят в лагерях. Во-вторых, следует резко ужесточить санкции к судьям и другим правоохранителям за любые будущие отступления от буквы закона. Такие действия можно приравнять к тяжким уголовным преступлениям.

С другой стороны, нужно многократно усилить ответственность за попытки подкупа и давления на суды. В том числе – исполнительной власти. Вообще, должен торжествовать такой принцип: жесткость, а главное – неотвратимость наказания за любые незаконные судебные решения перевешивает блага, полученные преступным путем. А механизм надзора за судами должен исключить доминирование неких групп или одной политической силы. Одновременно судьям нужно предоставить справедливый и эффективный иммунитет.

Далее мы предлагаем принять целый ряд законов и создать специальные механизмы, способные противостоять организованной преступности и коррупции. Мы запустили это зло до такой степени, что справиться с ним походя, обычными универсальными методами невозможно. Что, кстати, подтверждает и мировой опыт. Нам уже не обойтись без специальных органов и сил, наделенных адекватными возможностями, юридическими инструментами. Дело за политической волей.

Актуальна и защита информационной свободы. Одновременно мы предлагаем ужесточить ответственность тех, кто ею злоупотребляет.

В нашем перечне назревших и даже перезревших – реформа естественных монополий, к которым примыкает ЖКХ. Суть наших предложений – полностью открыть эти отрасли для внешнего контроля.

Наконец, мы настаиваем на реформе социального и, в том числе, пенсионного обеспечения. Иначе не заложить современного социально ответственного государства. Важность реформ в этой чувствительной сфере ни в коем случае нельзя преуменьшать ссылками на общий низкий уровень доходов большинства россиян либо на ограниченные возможности государства и трудности «переходного периода». Я убежден: наличие сегодня сильного социального государства – это не только продукт успешного экономического развития. Это и его неперемное условие. Современное государство ни в коей мере не должно походить на радищевское «чудовище обло, стозевно и лайя». Если государство не защищает гражданина, его все время станет обуревать страх перед немотивированным увольнением, разорительной болезнью и нищей старостью. Такой вечно дрожащий, ни в чем не уверенный человек никогда не станет полноценным субъектом постиндустриального общества нового тысячелетия.

В несколько иной плоскости «дорожной карты» лежит формирование стимулов долгосрочного инвестирования в Россию, появление сложных форм современной экономической деятельности. Многие подобные стимулы лежат в кармане государства. И не надо меня убеждать в том, что его чрезмерное вмешательство в экономику – это зло, причина низкой эффективности и, как следствие, падение темпов роста. Отсутствие безграмотного бюрократического вмешательства – это явное, но не достаточное условие вхождения России в постиндустриальную эпоху.

Столь же очевидно и другое. Без стабильно благожелательного отношения государства вряд ли кто рискнет направлять гигантские ресурсы и энергию предпринимателей в сферы с технически и организационно сложными схема-

ми. Ведь для этого нужно просматривать дальние горизонты. Крупный цивилизованный бизнес это понимает и уже не столько пытается «равноудалиться» от государства, сколько взаимодействовать с ним. Особенно – в глобальной экономике, где успешность усилий бизнеса зависит от конкурентоспособности государства. Сюда входит и способность последнего снижать долговременные риски, и защищать национальный бизнес от негативных факторов нерыночного характера. Так что без государства бизнесу нынче не обойтись. Правда, государства цивилизованного и эффективного. Поэтому создание современных механизмов взаимодействия государственных институтов и бизнеса в целом должно стать отдельным направлением форсированной модернизации.

Самостоятельный и важнейший блок общественных институтов – это сферы образования и науки. Именно они формируют ресурсы будущего, однако и сами нуждаются в ресурсах для ускоренного развития. В первую очередь, со стороны финансового сектора, который также зажался глубокой трансформации. Разговоры об этом идут давно, программ – десятки, а результаты удручают. Эти важные сферы уже тормозят развитие и экономики, и общества.

Если Россия промедлит с настоящими реформами 5–10 лет – она окончательно утратит шансы на то, чтобы стать современной развитой страной. Разрушительные тенденции, как это было с Советским Союзом, станут непреодолимыми.

– В заключение скажите: Вы оптимист или пессимист?

– Я оптимист. И при всех очевидных трудностях верю в свою страну. Россия непременно выберется из нынешнего зависимого положения и путем мирных эволюционных реформ, в рамках мирового капитализма, демонтирует отсталую политическую и хозяйственную системы. Но для этого нужно не сидеть сложа руки, а терпеливо, грамотно и энергично работать.